

Любые страхи, что достигнув цели, Котов разочаруется тем, что обнаружит в конце пути, полностью улетучились за последние три дня. Последний отрезок пути к миру-кузне Телока сопровождался сенсорной перегрузкой уникальными астрономическими явлениями. Не только звёздные системы вокруг мира-кузни располагались теснее, чем любое виденное Котовом скопление систем, но и пояс Койпера, планетарные тела и поля астероидов в центральной системе двигались по орбитам с такой точностью, словно спроектированные атомным часовщиком.

Система - Котов продолжал настаивать не давать ей имя - включала двенадцать планет, каждая располагалась на равном расстоянии от внутреннего и внешнего соседа. Все имели состав и размеры примерно как у Терры, кроме трёх газовых гигантов в центральном поясе, между которыми в мерцающих завесах выброшенной материи и льда располагались обширные области астероидных полей.

Они напоминали каменные обломки на полу мастерской скульптора, выброшенные части какого-то огромного, но ещё не законченного инженерного проекта. В системе царил такой необычный порядок, что даже Виталия Тихона удалось уговорить отойти от постели дочери для проведения звёздного анализа и составления новых картографических схем. Хотя каждая секунда вдали от Линьи раздражала почтенного астронома, даже он оказался очарован головокружительной ветвистостью системы.

Мостик "Сперанцы", обычно представлявший собой место непрерывных входящих и исходящих потоков бинарного кода, сакральных песнопений и звуков работавших сервиторов, теперь окутывала почтительная тишина. Хотя никто удостоенный членства в Культе Механикус не верил ни в одно божество кроме Бога Всех Машин, было трудно не задуматься о руке божественного творца в астрономической архитектуре этой звезды и её миров.

Даже солнечный ветер был прекрасен.

Аугмитеры "Сперанцы" обработали вспышки и волны электронов и протонов из верхних слоёв атмосферы звезды, и обычно хаотическое взаимодействие частиц предстало геомагнитной симфонией. Это был водопад идеально модулированных целых чисел, который для неаугметированного уха звучал тихим прибоем на пляже, но для улучшенных слуховых имплантатов Механикус стал гармоничным взаимодействием совершенных чисел, спиральных схем и волновых звуков, столь же красивых, сколь и искусственных.

Голографические проекторы показывали двенадцать миров системы в плавающих завесах света, вместе с позициями флота и поступающими данными от носовых ауспиков "Сперанцы". Проекторы обозначили каждую из планет разными цветами, отображая особые атмосферные, геологические и климатологические системы.

Азурамаджелли проложил астронавигационные курсы для флота Котова таким образом, чтобы вывести "Сперанцу" на нисходящую орбитальную траекторию и получить максимальное удобное защитное положение, но и не демонстрировать открытую враждебность. Все суда двигались в плотном построении, а три оставшихся военных корабля заняли оборонительные позиции. "Дитя Луны" и "Дитя Гнева" прикрывали фланги "Сперанцы", а "Мортис Фосс"

держался в кильватере, готовый открыть огонь. Остальная часть флота Котова, топливозаправщики, вспомогательные суда и перерабатывающие корабли, рассредоточились выше, готовые собраться для обороны при первых признаках угрозы.

Виталий Тихон работал вместе с Азурамаджелли, и хотя при первой встрече его дочь нашла ошибку в расчётах магистра астронавигации, тот выразил глубокое сожаление о ранении госпожи Тихон.

Криптаэстрекс стоял напротив Азурамаджелли и Виталия, благодаря манифольдной связи с носовыми кузнями магоса Тарентека он следил за непрекращавшимися ремонтными работами по всему ковчегу. Несмотря на глубокое недоверие Котова к уступкам Авреему Локку, на которые его вынудили пойти, Криптаэстрекс докладывал, что новое активное сотрудничество Механикус и крепостных уже приносило дивиденды в производительности и эффективности.

Магос Блейлок ходил среди магосов и сервиторов, словно взволнованный учёный на квалификационном экзамене, оценивая их работу, предлагая советы по высшим аналитическим методам или уточняя детали бинарного кода. Наблюдавший за работой фабрикатус-локума Котов заметил здесь нечто большее, чем простую преданность долгу.

Отвлекаясь от любопытного поведения Блейлока, Котов переключил внимание на мир, занимавший центральное положение на обзорном экране. Мир-кузня Телока купался в настолько прекрасном фиолетовом тумане северного сияния, что только последователи Машины могли оценить всю его красоту. Мерцающая корона являлась побочным продуктом невероятно огромного производства энергии в планетарном масштабе. Котов и раньше видел подобный туман вокруг миров-кузниц, но никогда столь яркий и на таком стабильном уровне. Количества производимой энергии было достаточно, чтобы обеспечить мануфактуры, по крайней мере, шести производственных хабов уровня экзактис прима.

Планета была примерно в два раза тяжелее Марса и имела пригодную для дыхания атмосферу. Геологический состав оставался неизвестным, как и что-либо о состоянии поверхности. Первоначальные исследования оказались раздражительно неопределёнными и состояли из противоречивых инфопотоков. Ауспики то показывали планету, старение которой протекало с естественной или немного увеличенной скоростью, то повторяли данные Виталия Тихона с Гипатии со следами геологического регресса. И всё же сколь безумными не казались такие данные, Котов уже почти привык к встречам с необъяснимым. В конце концов, разве Дыхание Богов не переделало Арктур Ультра и не преобразовало её из мёртвой системы в будущем пригодную для жизни?

Побочные эффекты такой головокружительно сложной звёздной инженерии оставались тайной, и пространство, где произошло такое событие, было обязано подбрасывать аномалии в течение многих грядущих веков. И всё же несмотря на то, что разум сумел справиться с когнитивным диссонансом физически невозможных пространственных аномалий, Котов не мог окончательно избавиться от чувства, будто что-то было если и не совсем неправильно, то, по крайней мере, не настолько правильно, как ему хотелось.

Он отбросил неприятные мысли, ощущая растущее волнение в инфотоке, пока ноосферный

значок расстояния приближался к высокой орбите. Как бы Котов не объяснял биологические реакции своего мозга, он не мог подавить чувство, что сюда его привела судьба. Он вспомнил мрачные моменты позора и отчаяния, когда пал второй из его миров-кузниц, и он проклинал Омниссию за то, что тот покинул его. Но это унижительное страдание обернулось обнаружением “Сперанцы”.

Из пепла растоптанной гордыни пришло спасительное понимание, что всё пережитое им на пути служения Богу Машине было испытанием. Отчаяние сменилось надеждой и вновь обретённой преданностью Омниссии.

Именно оно и привело его сюда к невероятным и невообразимым чудесам, вновь связав с прошлым и даровав возможность строить будущее.

Единственным, что портило столь прекрасный момент, было присутствие Галатеи.

Гибридный машинный интеллект бродил по мостику, как охотящийся паукообразный, перемещаясь между завесами света, которые показывали двенадцать планет, и изучая каждую из них. Котов заметил, что изучение было поверхностным, словно Галатея заранее знала, что увидит. Он почувствовал тревогу при виде демонстративной беспечности Галатеи, найдя в её прогулке сходство со странным поведением Блейлока.

Галатея заявляла, что хотела убить архимагоса Телока, но Котов больше не верил этому. Несмотря на все её претензии на человечность и растущую отдалённость от человечности Котова, ложь Галатеи больше не звучала убедительно. Что-то другое лежало в желании машинного интеллекта воссоединиться с Телоком, и эта неизвестная переменная грызла Котова, словно зловредный скрап-код.

Блейлок прекратил прохаживаться среди магосов и вернулся на пост рядом с командным тронem Котова. Группа карликов-сервиторов суежилась возле него, таща шланги и шипящие регуляторы.

- Вы на это надеялись, архимагос? - спросил Блейлок.

Отбросив мысли о Галатее, Котов ответил:

- Это больше, чем я мог надеяться, Таркис.

Блейлок медленно кивнул:

- Должен признаться, что сомневался в мудрости этих поисков. Я верил, что ваши причины были мотивированы гордостью и отчаянием, но теперь, когда мы здесь... я...

Котов посмотрел на фабрикатус-локума, удивлённый нехарактерной для того неспособностью

подобрать слова и откровениями. Он давно знал о сомнениях Блейлока, но полагал, что они ушли после прогулки по молитвенному пути. Лицо Блейлока давно исчезло в механических имплантатах, и по нему было невозможно понять психологическое состояние, но рябь ноосферной ауры ясно свидетельствовала о терзавших магага противоречиях, как у попавшей в бесконечный цикл машины, которая пыталась согласовать два противоречащих диска с доктринами.

- С вами всё в порядке, Таркис?

Блейлок не ответил и Котов собрался повторить вопрос - хотя он прекрасно знал, что Таркис должен был услышать его - и получил ответ, который, пожалуй, ожидал меньше всего.

- Не знаю, - ответил Блейлок с обезоруживающей честностью.

- Не знаете? Мы окружены чудесами, которые ни один жрец Марса не видел тысячи лет, мы у самой цели наших поисков и вы не знаете в порядке ли вы? Вы удивляете меня, Таркис.

- Отчасти проблема именно в этом, - сказал Блейлок, покачав головой, словно избавляясь от какого-то раздражающего кода. - Никто с Марса не был здесь тысячи лет и всё же я чувствую, что это расположение звёзд и планет мне почему-то знакомо.

- Вы чувствуете, что знакомо? - спросил Котов.

- Извините, архимагос, но нет никакого другого слова в моём словаре, которое подходит к ситуации. Я чувствую, что уже видел эти звёзды прежде. И это ощущение у меня не в первый раз.

- Когда оно появилось у вас в первый раз? - спросил Виталий, покинув хаб астронавигации.

- Прямо перед тем, как энергетический выброс с этой планеты достиг "Томиоки", - ответил Блейлок.

- Интересно, - сказал Виталий. - Поскольку я отметил большое сходство в подобном расположении планет и астрономическом/временном взаимодействии с архивной монографией об идеальной звёздной геометрии, загруженной магосом Альхазеном из Сабейского залива. Вашим бывшим наставником и если не ошибаюсь, кем-то вроде евангелистского последователя архимагоса Телока.

Блейлок замолчал, подключаясь к своей внутренней базе данных.

- Нет, вы ошиблись, магос Тихон, - произнёс он. - Я знаком со всеми материалами, переданными магосом Альхазеном в Марсианский Табуларий Монс. Он не предоставлял такой монографии.

Котов разделял удивлённое выражение Виталия.

Как только Виталий упомянул монографию, Котов восстановил её из архивов “Сперанцы” и мгновенно усвоил содержание. Как и следовало ожидать, выдвинутые Альхазеном постулаты оказались близки, а в некоторых случаях идентичны звёздным данным, отображаемым на командном мостике.

То, что Блейлок, похоже, не знал об этом, было настолько близко к невозможному, насколько Котов мог представить.

Прежде чем он сумел получить ответ на этот вопрос, каждый голографический экран на мостике замерцал и погас от входящего сообщения с планеты внизу. “Сперанца” выгружала стандартные запросы и протоколы приветствия Механикус с тех пор как вошла в систему, но до сих пор всё это игнорировалось.

Над каждым голографическим хабом появился вращающийся символ из восьми тел, которые напоминали расплавленные скалы или кружащийся вихрь, который можно было принять за огонь. Котов никогда прежде не видел это изображение, но узнал руку Механикус в его построении, золотое сечение проводило линию через каждый угол фигуры и предавало в целом привлекательно упорядоченную форму.

- Космический корабль “Сперанца”, говорит мир-кузня Экснихлио, - произнёс автоматический вокс. - Приготовьтесь к загрузке данных.

- Из ниоткуда, - сказал Виталий, переводя название на низкий готик.

- Экснихлио, - начал Котов, вставая с командного трона. - Говорит архимагос Котов, верховный лорд Марса и генерал-эксплоратор этой экспедиции. Имею ли я честь обращаться к архимагосу Веттию Телоку?

Котов собрался повторить вопрос, когда изображение извивавшихся фигур сменили сложные навигационные точки, прокладывавшие узкий полётный коридор сквозь насыщенную электричеством атмосферу. Только корабль со сравнительно малым тоннажем сможет совершить полёт по такому коридору, и даже поверхностный анализ данных свидетельствовал, что будет чрезвычайно опасно отклоняться от предписанного пути.

- Посадочные координаты, - сказал Азурамаджелли. - Старый формат, но вполне ожидаемый для мира без гексаматических улучшений.

Котов кивнул, испытывая сильнейшее предвкушение при мысли о том, что ступит на мир-кузнию Телока. Путешествие в феодальное владение другого магоса всегда было очень важным событием, шансом обменяться данными, рассмотреть новые направления в интерпретации технотайн, обменяться услугами и информацией для продолжения поиска знаний. Что он мог узнать на мире архимагоса, свободного от порицаний коллег и ограничений универсальных

законов?

- Архимагос? - спросил Блейлок. - Ваши приказы?

- Отправьте сообщение сержанту Танне, - ответил Котов. - Мне нужен "Барисан".

Все следы пребывания людей в этом месте удалили, и оно вернулось к своему прежнему заброшенному состоянию. Остатки самогонного аппарата Хоука также убрали, а его части выбросили в утилизационные воронки. Люминесцентные сферы в нишах потускнели, и изображения святых окутали тени. Исмаил увёл Авреема в святилище ниже ватерлинии, оставив Тота Мю-32 заканчивать погребение Расселаса X-42.

- Лучше бы Авреем вообще тебя не находил, - произнёс он, кружа вокруг дремлющего убийцы.

Облачённый в чёрное с ног до головы аркофлагеллант сидел в металлическом капюшоне, под гладкой поверхностью успокаивающего шлема мерцал свет, как в неисправной лампе. Картины имперских святых и божественных видений сменяли друг друга пред взором X-42, сохраняя его погружённым в состояние вечного блаженства.

Учитывая истории, которые Тота Мю-32 знал о кровавом правлении кардинала Колосажателя, это судьба оказалась гораздо милосерднее участи его жертв. Мышцы аркофлагелланта подёргивались, когда случайные синапсы вспыхивали и искрились в мозгу, являясь неизбежным результатом удара меча по черепу.

- Интересно, как повлияли ранения на видения в твоей голове? - задался вопросом Тота Мю-32. - В любом случае я надеюсь, что они причиняют тебе боль. Ты должен страдать за свои деяния. И как только этот зал закроют, ты будешь страдать от них до скончания дней "Сперанцы".

Тота Мю-32 продолжил кружить вокруг аркофлагелланта, проверяя, что каждый ограничитель плотно приложен, а каждый успокаивающий соединитель прочно закреплён. Он проверил каждый позвоночный шунт, каждый корковый ингибитор и каждый неврологический блокиратор.

Убедившись, что всё в порядке, он запустил последнюю диагностику успокаивающих механизмов, собираясь удостовериться, что оборудование функционирует в пределах допустимых эксплуатационных параметров. Подключённое напрямую к энергосистеме "Сперанцы" и обладающее многократными резервными системами оборудование сможет сохранять целую армию аркофлагеллантов в состоянии покоя дольше, чем вероятно существует сам ковчег Механикус.

Тота Мю-32, пятясь, вышел из зала, несмотря на все только что предпринятые им предосторожности и проверки он не хотел поворачиваться к киборгу-убийце спиной. Он остановился перед переборкой в дормис-палату, и в этот момент из неё повеяло холодным

воздухом, словно последним вздохом уснувшего хищника, который просто погрузился в зимнюю спячку, чтобы затем снова выйти на охоту.

Расселас Х-42 по-прежнему сидел неподвижно, сгорбленная статуя в клетке убийства и ужаса. Даже во сне он излучал ужасную опасность. Хотя аркофлагеллант просто не мог быстро сломать психические оковы, Тота Мю-32 почти ожидал, что существо на прощание поднимет голову.

Аркофлагеллант дёрнулся и под шлемом замерцал свет.

Тота Мю-32 стукнул рукой по скрытому дверному механизму, и тяжёлая переборка опустилась со звучным лязгом запирающихся замков. В центре двери виднелся засохший кровавый отпечаток ладони и Тота Мю-32 положил на него свою руку, зная, что он принадлежал Авреему.

Этот след вместе с кодовым словом заставил замки открыться и запустил последовательность реактивации Х-42. Тота Мю-32 плюнул на пятно и стал тереть рукавом мантии по отслаивавшейся крови, пока она полностью не исчезла. Бросив последний взгляд на пустой зал, Тота Мю-32 увидел только сотни чёрных металлических черепов вдоль стен. Храм, тюрьма, гробница – каждое из этих слов подходило для погребённого внутри чудовища.

Мерцающий код корчился в стенах, фрагментарные бинарные остатки информации некогда следовавшей сквозь этот зал в неизвестном направлении. Большая его часть деградировала до вопящей тарабарщины, и скоро он снова исчезнет в ноосфере.

Тота Мю-32 повернулся и вышел из зала, оставив люминесцентные сферы светить до тех пор, пока окружающее помещение код наконец-то не исчезнет. Пустые глазницы ухмылявшихся черепов мерцали умирающим кодом, словно только они являлись хранителями тайны, которую хотели рассказать, но поклялись вечно хранить.

Как и Тота Мю-32 они знали, что некоторые двери лучше держать закрытыми.

Но также они знали, что некоторые двери невозможно закрыть навсегда.

Подобно мифическому фениксу “Барисан” восстал из возрождающего пламени сильнее, чем раньше. Полученные на Катен Вениа повреждения почти полностью исчезли благодаря ритуальному богослужению магоса Тарентека и армии его ремесленников. Компрессионные переломы пластин корпуса отремонтировали, повреждения от столкновения с поверхностью устранили, а торсионное скручивание в спинном хребте выпрямили.

Во всех отношениях корабль стал как новый, столь же идеальный, как в тот день, когда его корпус выковали в кузне-комплексе горы Тиррения. Тарентек видел печать генерал-фабрикатора и приложил максимум усилий в восстановлении работы выдающегося марсианского мастера металла и духа. “Барисан” сильно пострадал в катастрофе и дух-машина

превратился в злого и загнанного в угол зверя, но Тарентек, в конце концов, сумел завоевать его доверие высочайшим искусством и преданностью слуг.

Танна чувствовал, как десантно-штурмовой корабль отвечал на каждую команду, словно они летали вместе несколько веков. Нельзя сказать, что они стали единым целым и “Барисан” перестал относиться к нему, как к мелкому биологическому раздражителю, но, по крайней мере, между ними установилось уважение.

- Корабль полностью выздоровел, - произнёс архимагос Котов, сидевший рядом с Танной в кресле второго пилота.

Танна коротко кивнул и ответил:

- Я благодарен магосу Тарентеку за это.

Вид сквозь фонарь кабины представлял собой буйную смесь подёрнутых вспышками молний скоплений облаков и мерцавших геомагнитных бурь, которые сталкивались, взрывались, грохотали и сверкали измученными энергиями. Столбы плазмы и раздвоенные узоры вертикальных молний создавали ощущение, что “Барисан” уклонялся от грозового шквала зенитного огня.

- Это всё равно, что сразу попасть под сто гроз, - сказал Танна, когда растущая волна давления врезалась в фюзеляж.

- Это - не гроза, - заметил Котов, пока Танна выравнивал курс полёта.

- Тогда, что это?

- Неизбежное последствие производства энергии в планетарном масштабе, - ответил Котов, указывая сквозь покрытый полосами влаги фонарь кабины на неподвижно висевшее в небесах огромное и похожее на дирижабль устройство. Вздымающийся корпус объекта окутывали дуги фиолетово-янтарных молний, которые сверкали вдоль толстых металлических кабелей, свисавших с нижней половины дирижабля и напоминавших якоря на цепях, исчезающие в клубящихся облаках заряженного пара.

- Что это? - спросил Танна, когда необычное парящее устройство скрылось за облаками.

- Как мне представляется, это своего рода накопитель энергии, - восхищённо ответил Котов. - Похоже, каждая машина или храм на поверхности планеты производят электроэнергию в невероятных количествах, что и создаёт всевозможные искажения в верхней атмосфере. Подозреваю, Телок открыл способ использовать то, что обычно считалось бесполезными побочными продуктами производства.

- Дыхание Богов требует столько энергии?

Котов ответил не сразу:

- Невозможно знать энергетические потребности того, что до сих пор находится за пределами нашего понимания, - сказал он. - На самом деле меня поражает, что одна планета может обеспечить мощности для чего-то способного к такому невероятному преобразованию материи и энергии.

Новый энергетический разряд покачнул "Барисан", и Танна повернул нос корабля против часовой стрелки, когда пара гигантских дирижаблей поднялась впереди сквозь облака пара. На этот раз их удалось рассмотреть получше, и Танна понял, что они представляли собой немногим больше, чем огромные пузыри ребристых металлических волокон, удерживаемые сеткой, и увешенные медными и латунными механизмами, которые вращались и потрескивали.

Танна направил корабль вниз, спускаясь по спирали и следуя замысловатому маршруту на поверхность. Если бы он лично не видел атмосферные эффекты, то решил бы, что их специально вели как можно запутаннее.

- Должен быть более лёгкий путь к поверхности, - сказал он скорее себе, чем Котову.

- Вы правильно следуете координатам точек маршрута?

Танна даже не удостоил его испепеляющего взгляда:

- Вы уже знали, если бы не следовал, и орали бы на меня.

- Ваше замечание услышано, брат-сержант.

- Координаты точек маршрута верны, но меня беспокоит, что мы обнаружим в конце путешествия.

- Вы подозреваете опасность?

- Я всегда подозреваю опасность, архимагос. Поэтому я ещё жив.

- Если бы Телок хотел убить нас, то мог бы найти способ проще, чем направлять в грозовой фронт.

- Возможно, у него есть причины увидеть нас живыми на поверхности.

- Какие, например?

- Не знаю, - заявил Танна. - Здесь вы Механикус. Это ваша экспедиция.

- Мы - соратники-крестоносцы, брат-сержант, я думал, что вы поняли это, - сказал Котов. - Разве вам не приходило в голову, что я мог взять сколько угодно транспортов Механикус для путешествия на поверхность? Пусть я и загрузил маршрут, который нам прислал Телок, но я выбрал вас, чтобы вы доставили меня на эту историческую встречу, потому что я ценю то, что вы олицетворяете. Вы - Императора, я - Механикус. Два аспекта Империи работают вместе. Наше единство символизирует цель нашего священного путешествия на этот мир.

- И когда направляешься в неизвестное всегда неплохо иметь за спиной отделение Чёрных Храмовников.

- Не без этого, - согласился Котов, и Танна едва не почувствовал такое же волнение, как и главы экспедиции.

Несмотря на все потери, они всё же добрались живыми до места назначения.

Атмосфера стала тоньше, и из облаков появились размытые массивные силуэты: огромные градирни изрыгали ядовитые газы с поверхности планеты, а низкие и широкие трубы выбрасывали в небеса потоки зелёного огня. Дуги статики затрещали в воздухе, словно фейерверки на триумфальном параде, и почти каждая панель ауспика зашипела помехами. Всё больше дирижаблей проплывало мимо "Барисана", они парили сотнями, напоминая цветущих медуз в разбухшем океане. Корабль летел всё ниже и всё больше колоссальных зданий - если это были здания - появлялось из облаков.

Танна увидел высокие стальные конструкции, окружённые кольцами энергии; потрескивающие колонны в сотни метров диаметром и вонзавшиеся в экзосферу пирамиды с основаниями в тысячу миль шириной. Это было похоже на полёт над собранными городами-ульями, которые отбросили индивидуальность и просто слились в одну непрерывную планетарную кору из стали и укрощённого огня. В десятках тысяч метров под "Барисаном" небоскрёбы тесла-трансформаторов соперничали за свободное место среди необъятных силовых куполов и огромных конденсаторных колонн.

Вся поверхность представляла собой сверкавший сетчатый узор из молний, которые вырывались из поднятых медных шаров размером с боевые сферы крутов и протягивались дугами из конических башен, обрамлённых стометровыми шпильями. Потоки света текли сквозь угловатое скопление огромных структур, словно планета была организмом со светящейся кровью. Струйки тёплого дождя побежали по фонарю кабины, пока Танна снижал корабль, следуя недавно появившимся на планшете авионики графическим символам посадочных маяков. Погрешность была минимальной, и Танна понял, что его подозрения о существовании более простого способа достигнуть поверхности оказались ошибочными.

Он указал на огромные башни в форме воронки, вздымавшиеся по обеим сторонам от их курса,

словно направляющие, защищавшие от снега на взлётно-посадочной полосе. Каждую венчала фланцевая пасть, выдыхавшая полные лёгкие облаков и пара.

- Об этих атмосферных машинах вы говорили? - спросил он.

Котов едва мог оторвать взгляд от великолепного зрелища колоссального промышленного города размером с планету и нечеловечески огромных конструкций, между которыми они летели, но коротко кивнул:

- Да, полагаю, что это они, - сказал он. - Видны признаки ранних СШК универсальных трансляторов, и, похоже, они делают воздух пригодным для дыхания. А что с ними не так?

- Эти башни создают стабильный коридор спокойного воздуха для полёта корабля.

- Я снова спрашиваю, что с ними не так?

- То, что этот маршрут создан специально для нас. Сейчас это единственный способ добраться до поверхности.

- И?

- Если эти машины отключить, то мы не сможем покинуть планету.

Молнии стекали по стенам каждой структуры, словно их единственной целью являлось создание и передача энергии, из-за чего воздух на вкус был горьким, как медный прут. Котов спустился по носовой штурмовой рампе "Громового ястреба", за ним последовала группа писцов-савантов. Пара сервочерепов с железными нимбами в форме шестерёнки неторопливо кружили над ним. Его тело было частично органическим частично кибернетическим гибридом, внешне напоминая древнего воина богословского ордена с уже несуществующего полуострова Терры. Он облачился в струящуюся багровую мантию, каждое волокно которой представляло собой фрактально сформированное бинарное уравнение.

По праву архимагоса он пришёл вооружённым тем же самым инкрустированным золотом пистолетом, с которым сражался против мерзостей Галатеи на манифольдной станции "Валетте". Волкитное оружие являлось реликвией далёкого прошлого, бесценнейшим артефактом, который покоился в стазисной сокровищнице одного из залов чудес хранилищ Дао Валлис. Двое слуг, спешно облачённые в одежды Механикус, несли на атласных подушках остатки аварийного маяка "Томиоки" из спасательной капсулы, символизируя проделанный сюда путь.

Как и подобало архимагосу Адептус Механикус, его сопровождала свита: восемь скитариев в чёрно-золотой броне, украшенной ядовитыми рептилиями Старой Земли. Вен Андерс возглавлял отделение элитных ветеранов, а сержант Танна шёл со своими космическими

десантниками. И как человек, который доставил ему маяк, Робаут Сюркуф, конечно же, получил место в десантной группе. Он взял с собой молодого телохранителя и магоса своего корабля Павельку. Котов с некоторым любопытством отметил символы осуждения в её ноосферной ауре. Похоже, Сюркуф не единственный в экипаже “Ренарда” не признавал авторитетов.

Котов сошёл с рампы и ступил на мир-кузню, который не знал шагов представителя Империи Человечества тысячи лет. Он подошёл к краю каменной платформы, где ряды широких ступеней вели вниз на площадь, и огляделся в поисках любых признаков архимагоса Телока или его представителей.

Котов не был настолько тщеславен, чтобы ожидать триумфальный приём или массовое собрание работников электростанций и кузниц этого мира, кем бы они ни были, но он ожидал хоть что-то. Они пересекли галактику, преодолели всевозможные испытания и лишения, и понесли большие потери на пути к этой планете. Вспышка возмущения окружавшей “Барисан” пустотой затанцевала на периферии его мыслей.

Скитарии заняли позиции справа от него, а полковник Андерс выстроил кадианцев в два ряда слева. Танна и остальные космические десантники стояли на штурмовой рампе подобно вырезанным из базальта и слоновой кости гигантам, Сюркуф и его люди держались от них в нескольких шагах, пока слуга занял подобострастную позицию справа от архимагоса. Котов нёс длинный скипетр из золота и бронзы, увенчанным символом Механикус из гагата и кости. Шлейфы приятного Омниссии ладана тянулись из угольно-красных глазниц.

Проигнорировав отсутствие хоть чего-нибудь отдалённо напоминавшее встречу, Котов обратил внимание на сам мир, ощущая непрерывные толчки в коренных породах, характерные для планет, которые всецело отдавались работе Адептус Механикус.

Но здесь было нечто большее.

Котов безошибочно чувствовал присутствие великих проектов, новых и невообразимых работ, которые проводились здесь. Глубоко в самой сущности того, что сделало его архимагосом, он ощущал насколько великолепные деяния происходили на этом мире. До сих пор невообразимые технологии; исследования, которые остановились несколько тысячелетий назад и начавшие возрождение; разработки в столь сложных областях, которые магосы Марса не могли даже представить.

Это был уникальный мир в самом истинном значении этого слова.

И он был пустым.

Сержант Танна и полковник Андерс подошли и встали по обеим сторонам от него.

- Разве нас не ждали? - спросил Андерс, одетый в парадную форму и регалии, которые только

кадианец сумел бы отличить от обычной полевой формы.

- Конечно, нас ждали, - ответил Котов, подавив растущее беспокойство. - Мы получили подробные инструкции для посадки.

- От автоматического источника, - заметил Сюркуф. - Ему может быть сотни лет или больше.

- Нет, - возразил Котов. - В таком случае точки маршрута не привели бы нас к поверхности, и во время полёта нас разорвали бы геомагнитные штормы. Полученные нами координаты актуальны именно сейчас.

- Тогда где Телок? - спросил Танна.

- Он придёт, - ответил Котов. - Аутентичные катехизисы первого сообщения несли бинарную чистоту символов Механикус. Нас ждали и нас встретят.

- Думаю, пожалуй, вы правы, - согласился Сюркуф, когда ранее невидимые швы начали появляться на фасаде огромного ангара со сводчатой серебряно-стальной крышей. Появились колоссальные врата, напоминавшие один из порталов в хранилища тайн под горой Олимп, и оттуда появилось сверкающее чудовище.

Не уступавшее титану "Император" в высоте, но столь же широкое и длинное, как крупнейший из посадочных транспортов Механикус, оно было невероятно огромным существом из стекла и кристалла, похожим на скорпиона. Сегментированное тело пронизывали мерцающие линии изумрудного света, которые спускались между гигантскими ногами, словно застывшие сталактиты с потолка огромной пещеры. Оно двигалось со звуком разбитого стекла и перемолотого камня, и никто не мог не заметить сходство с биоподражающими кристаллическими фигурами, с которым сражались на Катен Вениа.

- Храни нас Трон, - выдохнул Танна.

- Что это такое, во имя Терры? - прошептал Андерс.

Котов изо всех сил старался не поддаться страху, но вид столь чудовищного создания обошёл рациональные нервные пути. Ничто не могло противостоять этой возвышавшейся военной машине: ни силы Имперской гвардии, ни легиона титанов, ни даже невероятно разрушительные военные машины центурио Ординатус. Это была сама смерть в застывшей кристаллической форме.

- Вот теперь дела пошли совсем не хорошо... - произнёс Сюркуф, пятясь к "Барисану".

- Мы пришли сюда на смерть, - сказал Танна.

- Нет, - возразил Котов, хотя сложно было поспорить с тем, что они видели. - Это - бессмысленно.

- Верьте, во что хотите, архимагос, но мы уходим!

- А возможно ли вообще вернуться?! - крикнул Андерс посреди лязгающего грохота кристаллического зверя, от поступи которого земля дрожала как при землетрясении.

- Возможно, - ответил Танна. - Мы вернёмся тем же курсом, что прилетели на поверхность, и будем надеяться, что стабильный коридор сквозь атмосферу ещё не исчез.

- Вы ставите наши жизни на безысходную надежду, - сказал Андерс.

- Лучше безысходная надежда, чем никакая, - заметил Танна.

- Верно, - кивнул Андерс, махнув своим людям возвращаться к кораблю.

Один только Котов не двигался, как и скитарии и помощники. Он следил за приближением кристаллического левиафана, остолбенев от благоговения.

Танна крикнул ему возвращаться на "Барисан", но Котов проигнорировал его.

Лучше смерть, чем возвращение в позоре.

Хотя он помог Котову достигнуть этого мира, Виталий Тихон отказался от возможности сопровождать архимагоса на поверхность. Даже решение оставить дочь заботам медицинского персонала на время для подготовки картографических протоколов подхода к миру-кузне Телока далось ему нелегко.

Что если она проснётся, когда его не будет рядом?

Завершив работу на мостике, Виталий доехал на маглеве до медицинской палубы и поспешил к ожоговому отделению. Занимавшиеся лечением Линьи хирурги-адепты с умеренным оптимизмом считали, что она выживет и восстановит большую часть прежней эксплуатационной полезности. Ноги пришлось ампутировать до середины бёдер, но магос Тарентек уже изготовил аугметические замены, которые почти идеально подражали человеческим конечностям.

Остальные повреждения носили в основном внешний характер и пластыри из искусственной кожи показывали признаки возобновлённого роста. Они никогда не заменят человеческую кожу, но были настолько близкими, насколько возможно получить без клона-донора - а Линья всегда категорично заявляла, что не позволит создавать другую жизнь только для того, чтобы

та стала хранилищем запасных органов.

Коридоры медицинской палубы оказались пустыми, и это выглядело необычно, но учитывая, что корабль находился на орбите мира-кузни Телока, Виталия это не удивляло. Как часто адепт Марса покидал пределы галактики, не говоря уже о том, чтобы увидеть мир-кузню в глубинах межгалактического пространства?

Он надеялся, что Линья проснулась. Он хотел снова разговаривать с дочерью, держать её руку, когда опасность заражения уже миновала и антисептическое поле больше не требовалось. Он не сомневался, что она разгадает природу этого мира, ускользавшую от более традиционно мыслящих магосов.

Кроме того он мог воспользоваться помощью в каталогизации множества аномальных показателей, которые обнаружил на планете. Подобно Гипатии мир-кузня Телока показывал аберрантные временные признаки, что проявлялось в периодах гиперускоренного старения, сбалансированного сопутствующими периодами возрождения. Геологическая нестабильность являлась неотъемлемой частью существования планеты, орбита которой пролегла по эллипсу вокруг звезды, но за этим скрывалось нечто большее, нечто необъяснимое и на данный момент находившееся за пределами его понимания.

Слишком много необъяснимых аномалий, обладавших одной и той же особенностью, не выходили у него из головы: судя по отчётам роботы-хранители “Томиоки” находились в ветхом состоянии, но всё равно функционировали; очевидная планетарная молодость Гипатии и присутствие метрополии времён до эпохи Раздора, а теперь и эти бессмысленные показания.

Что бы Телок ни нашёл в космической глуши, оно эффективно распрыдало ткань пространства-времени и смеялось над законами физики. Взгляды Виталия были слишком буквальными и методическими, чтобы найти этому объяснение, он нуждался в способности Линьи мыслить нестандартно для придания размышлениям нового импульса.

Виталий свернул в ожоговое отделение и направился по знакомому маршруту стерильных коридоров, всё ещё обдумывая проблемы трансразмерных разрывов пространства-времени и их побочного воздействия на универсальную хронометрию.

Он так сосредоточился на этой в основном теоретической и неизвестной ветви искусства Механикус, что не сразу заметил тела.

Он замер, забыв обо всех квантовых теоремах.

Зал центрального хаба ожогового отделения напоминал восстание на скотобойне.

Трупы и отрубленные руки и ноги валялись повсюду, словно отходы, их оказалось слишком много и они были слишком перепутаны, чтобы даже попробовать сосчитать. Потрясённый Виталий увидел рассечённое пополам в талии тело, которое сидело в луже подёрнутой маслом

крови; другое представляло собой немногим больше, чем обрубленный кусок мяса с металлическими остатками костей, торчащими из разорванной плоти. Механические детали валялись среди изрубленного мяса, и Виталий различил одеяния магосов, сервиторов и слуг.

Бойня не выбирала жертв, хозяева пали рядом с порабощёнными.

Что ещё хуже в убийствах явно чувствовалось наслаждение, совершивший их испытывал дикую радость, рубя человеческую плоть и сокрушая машинную аугметику.

Благоразумие и логика призывали отступить, но его дочь лежала беззащитной в одной из лечебных палат. Какой бы маньяк ни устроил бы эту бессмысленную резню, он ещё мог оставаться здесь, ещё мог желать убить каждого на своём пути.

Виталий не был воином и всегда избегал внедрения вооружения в своё тело, но сейчас он не отказался бы от встроенного лучевого оружия или энергетического меча. Он направился к проходу, ведущему к покоям Линьи, старясь обходить места с самым большим количеством крови и отрубленных частей тел.

Алые капли покрывали стены, словно убийца размахивал смертоносным клинком, разбрызгивая жизненные жидкости жертв в каком-то извращённом акте вандализма. С замиранием сердца Виталий быстро последовал за петлявшими дугами, как за неровным следом из крошек.

- Нет, пожалуйста, нет, - прошептал он, увидев, что капли крови безошибочно вели к палате Линьи. - Аве Деус Механикус, пожалуйста, нет.

Дверь оказалась приоткрытой, и Виталий услышал изнутри звуки движения.

Хотя он мог бороться только тем, чем одарила его человеческая природа, Виталий, не колеблясь, ворвался внутрь.

- Убирайся от неё! - закричал он, не зная, кого или что встретит внутри.

Представшая перед ним жуткая картина заставила его остановиться и в ужасе упасть на колени.

Галатея сидела на корточках рядом с кроватью Линьи, тело техножреца с серебряными глазами сгорбилось над дочерью Виталия, словно какое-то хищное существо-вампира. Кровь окружала голову Линьи, а паукообразные конечности Галатеи были мокрыми, после того, как она разрубила на части несчастных жертв на медицинской палубе.

- Магос Тихон, - произнесла Галатея. - Мы рады видеть вас здесь.

Механический интеллект выпрямился, и Виталий в ужасе отпрянул.

- Аве Деус Механикус! - застонал он. - Что вы сделали? Омниссия милосердный, что вы сделали с моей Линьей?

- Мы же говорили, что ваша дочь исключительная, - ответила Галатея, пока паутина микротонких соединительных кабелей извивалась в стеклянном цилиндре с биопроводящим гелем, окутывая недавно имплантированный орган. - И теперь её разум станет исключительным в нашей нейроматрице.

Кристаллический левиафан двигался с гипнотизирующей текучестью, которая казалась невероятной для чего-то настолько огромного. Потрясало само величие его конструкции и сама концепция, которые превосходили всё, что даже самые безумные техноеретики, заключённые под катеной Бафирас, осмеливались вообразить.

Создавалось впечатление, что у него не было движущихся частей, доступных пониманию технопровидцев Механикус. Хотя глазные имплантаты Котова показывали, что это невозможно, суставы и сегментированное тело перемещались внутри и сквозь друг друга, словно связи между кристаллическими решётками менялись непостижимыми способами.

Танна снова позвал его, но он опять проигнорировал слова космического десантника.

Что за судьба ждёт архимагоса, который вернётся с пустыми руками из экспедиции, понёсшей такие потери? Его лишат последних владений и разберут на части, которые используют в качестве имплантатов для сервиторов. И чем это послужит Омниссии?

Лучше умереть, увидев цель, чем бежать в позоре.

Болезненная синева неба и дуги молний между гигантскими тесла-катушками башен сверкали на многогранной форме левиафана. Он обладал уникальной красотой, смертоносная величественность соединилась с прекрасной симметрией, и Котова поразило, насколько он был похожим на Галатею. Не самое удачное сравнение, несовпадающий корпус гибридного машинного интеллекта в лучшем случае являлся грубым подобием этого великолепного существа.

Нет. Не подобием.

Копией...

Три человека встали рядом, и Котов кивнул сержанту Танне, полковнику Андерсу и Робату Сюркуфу:

- Вы не ушли? - спросил он.

- Я оставил Кул Гилада умирать на "Адитуме", - ответил Танна. - Я не брошу вас умирать в одиночестве.

- Я зашёл так далеко, - произнёс Сюркуф. - Будет стыдно улететь и не увидеть, чем всё закончится.

Андерс кивнул в сторону возвышавшегося левиафана, колоссальное чудовище могло растоптать их и даже не заметить:

- И даже если мы поднимемся в воздух, то эта тварь собьёт нас за несколько секунд, - добавил Андерс. - И я принадлежу мотопехоте до мозга костей, поэтому лучше умру на земле, чем в горящих обломках "Громового ястреба". Не в обиду вашим навыкам пилота, Танна.

Котов покачал головой с удивлённой усмешкой:

- Никто здесь сегодня не умрёт.

Андерс собрался возразить, и в этот момент огромную площадь неожиданно заполнил звук трескавшегося стекла. Все в десантной группе вытянули шеи, когда миллион трещин неровной паутиной протянулся по поверхности исполинского существа-скорпиона. Всё его тело начало раскалываться, словно получило мощный и точный резонирующий удар в самое уязвимое место, а его структура оказалась не крепче гранул порошкообразного стекла.

Водопады сверкающих осколков полились режущим потоком с его верхних поверхностей, и огромная военная машина начала распадаться сверху вниз. Первым рассыпался покачивающийся жалящий хвост, обрушив тысячи кристаллических фрагментов на площадь. Тело сложилось само в себя, теряя массу, словно разорванный мешок с песком. Ноги упали несколько секунд спустя, опрокидываясь, как шеренга умирающих титанов. Вся кристаллическая машина разваливалась, как будто какая-то молекулярная структура, которая позволяла сохранять форму, внезапно и катастрофически исчезла. Шум стоял оглушительный, резкий звук отражался от окружающих сооружений и зданий в громовом крещендо разбитого стекла и расколотого камня.

Огромные потоки кристаллических обломков резко осели в осыпавшиеся останки распавшегося исполина, и высокие дюны разбитого стекла хлынули во все стороны приливной волной смертоносно острых осколков. Стекланный дождь разбился об возвышавшуюся платформу сокрушительным потоком, обогнув её, подобно текучей жидкости. Гигантское существо-скорпион было настолько невероятно огромным, что после своей смерти заполнило всю площадь блестящими обломками.

И тогда Котов увидел, что это не было ни обломками, ни смертью.

Это было развёртыванием.

Вещество, пролившееся с гигантского существа, продолжало трескаться и раскалываться, перестраивая себя в новые механизмы. Тысячи кристаллических фигур формировались из кристального моря дюн, быстро приобретая массу из вытесненной материи существа-хозяина. Возвышавшуюся посадочную платформу теперь окружали тысячи существ, вместо одного.

- Что, во имя Императора...? - выдохнул Танна, поворачиваясь на месте и наблюдая, насколько их превосходили численностью. Как огромная армия скульптур, некогда собранная деспотическим правителем Старой Земли, кристаллические статуи расположились вокруг платформы в безукоризненной симметрии, они стояли рядами плечом к плечу, словно на массовом развёртывании Имперской гвардии на смотровых полях.

Котов изучал фигуры у основания лестницы.

Внешне гуманоидные они напоминали незаконченные изваяния расы крепко сложенных воинов с одного из диких примитивных миров Империиума. Кристаллические воины повернулись с точностью роботов, расступившись, как кристаллическое море и формируя проход, словно триумфальную дорогу для победоносного лорда-генерала.

Из армии кристаллических фигур появилось массивное существо, которое выглядело ужасным гибридом металла, стекла и стали. Оно напоминало уродливую кающуюся машину, прямоходящую и относительно гуманоидную, но ноги заменяли грубые обрубки, которые ни на йоту не обладали незаконченной простотой кристаллических фигур.

Его движения были неловкими и неуклюжими, словно тело каким-то образом деформировалось и стало не таким, как планировал создатель. Центральные части явно были сделаны из тёмного железа, а обрывки алой ткани покрывали руки с кристаллическими наростами, которые также росли из каждой плоской поверхности верхней половины тела. Дуги тяжёлых труб огибали плечи, словно электромагнитные кабели, а в центре напоминавшей саркофаг дредноута груди виднелся забрызганный маслом капюшон.

- Что это за тварь? - спросил Андерс, крепко прижав приклад лазгана к плечу.

Существо достигло основания лестницы и начало подниматься отвратительными однобокими движениями, застывшие кристаллы на его конечностях превращали каждое сгибание сустава в дробящий кошмар. Оно оставляло за собой порошкообразное стекло, и чем ближе Котов видел частично скрытую иконографию на металлических частях, тем сильнее убеждался, что существо следовало не бояться, а уважать.

Скользкие металлические ветви откинули алый капюшон на груди существа, и Котов с трудом скрыл возбуждение, когда увидел показавшееся человеческое лицо, хотя и испорченное последствиями кристаллизации и экстремального ювенильного лечения.

И всё же не смотря ни на что, он узнал это лицо.

Это лицо столетиями смотрело на него со страниц полуразрушенных рукописей и испорченных пиктов.

- Добро пожаловать на Экснихлио, - произнесло существо, опустошённые черты лица которого двигались, как у плохо управляемой марионетки из плоти. - Мы надеемся, вы простите театральность нашего появления, но мы почти утратили надежду увидеть когда-либо эмиссаров с Марса.

Котов шагнул вперёд и спросил:

- Архимагос Телок, я полагаю?

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658833>